

Берта Давыдовна Порозовская

Жан Кальвин. Его жизнь и реформаторская деятельность

Жизнь замечательных людей

Берта Порозовская

**Жан Кальвин. Его жизнь и
реформаторская деятельность**

«Public Domain»

Порозовская Б. Д.

Жан Кальвин. Его жизнь и реформаторская деятельность /
Б. Д. Порозовская — «Public Domain», — (Жизнь замечательных
людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Введение	6
Глава I. Детство и воспитание Кальвина	8
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Б. Д. Порозовская
Жан Кальвин
(1509-1564)

Его жизнь и реформаторская деятельность
Биографический очерк

*С портретом Кальвина, гравированным в
Лейпциге Геданом, гравюрой “Сожжение
Сервета” и другими иллюстрациями*

Введение

В конце первой половины XVI века в великом религиозном движении, охватившем Западную Европу, наступает новый фазис. Начавшись еще в XV веке на славянской почве, движение это, получившее свое название по имени знаменитого чешского реформатора Яна Гуса, отличалось чисто национальным характером. У гуситов борьба с римской церковью представляла вместе с тем и борьбу за права чешского народа, отнятые у него германцами. Та же национальная идея, хотя и не в такой сильной степени, сказывается и в реформационном движении Германии. Пламенные проповеди виттенбергского монаха представляют не один только религиозный протест во имя Евангелия, против искажений, внесенных в него католической церковью, – в них провозглашается в то же время и независимость немецкой нации от порабо-тившей ее римской курии. Поэтому учение Лютера имело главным образом успех у германских народов, а в других странах было вытеснено более универсальным кальвинизмом.

Но великая церковная революция была вызвана не одними только политическими или национальными причинами. Новые идеи явились плодом долговременной глухой работы, совершавшейся в умах всего католического мира. Лютер не был единственным реформатором. В то самое время, как на воротах виттенбергской церкви он вывесил свои знаменитые тезисы, в Швейцарии священник Цвингли выступал с совершенно аналогичной проповедью. В самой Германии реформаторов была масса, только все они ступали пред мощным талантом Лютера. В романских землях, совершенно независимо от движения в Германии, также происходило религиозное брожение, вызванное гуманизмом, и только благодаря этому идеи Лютера находили отголосок и тут. Реформационное движение, таким образом, разрасталось все более, охватывало все большие районы, а вместе с этим и учение Лютера должно было претерпевать значительные изменения. Выйдя из пределов Германии, оно, естественно, должно было утратить свою национальную окраску и получить характер более универсальный.

Вот этот-то новый фазис, когда на арену церковной революции выходит романская нация, наступает в конце первой половины XVI века, и во главе этого нового движения является крупная личность женеvского реформатора, так называемого “женеvского папы” – Жана Кальвина.

Момент выступления Кальвина представляется в высшей степени важным еще в другом отношении. До сих пор роль реформаторов была, так сказать, чисто воинствующая. Лютер в Германии, Цвингли в немецкой Швейцарии, Фарель в романских землях – все они направляли свои усилия главным образом на то, чтобы разрушить гордую, казавшуюся неодолимой крепость католицизма, чтобы подорвать могучий престиж папской власти, наложившей свои оковы на умы и совесть всех католиков. Усилия их увенчались успехом. Авторитет папства был поколеблен; брешь, пробитая в католицизме, была довольно значительна. Но зато в лагере самих нападающих происходит раскол – многочисленные секты, выросшие на почве религиозной революции, вносят между ними раздор, разделяют их силы, подрывают к ним доверие в то время, когда, оправившись от первых поражений, католическая церковь начинает собирать свои силы для новой более ожесточенной борьбы. Тридентский собор, усиление инквизиции, грозная боевая дружина учеников Лойолы – все эти орудия католической реакции выдвигаются на арену борьбы как раз в такое время, когда со смертью Лютера протестантизм лишается своего духовного центра. Очевидно, задача, выпадающая на долю его преемника, хотя и менее блестящая, но не менее трудная. Для борьбы со старым врагом, сконцентрировавшим свои силы, недостаточно уже одной проповеди или обличительных выходок против злоупотреблений курии. Против стройной католической системы необходимо выставить такую же стройную систему протестантских принципов; новая церковь должна получить строгую организацию, и наконец, необходимо создать новый независимый центр, откуда могла бы смело вестись рели-

гиозная пропаганда. Таким центром с конца первой половины XVI века становится Женева, а задачу организатора церкви принимает на себя Кальвин.

Глава I. Детство и воспитание Кальвина

Двенадцатилетний капеллан. – Пребывание в Париже. – Матюрин Кордье. – Кальвин изучает юриспруденцию. – Альциати и Вольмар. – Религиозные сомнения Кальвина. – Комментарий к Сенеке. – Кальвин переходит к реформации

Жан Кальвин родился 10 июня 1509 года. Собственно, настоящая фамилия его была Cauvin или Chauvin, но по обычаю тогдашних ученых, он латинизировал ее в Calvinus. Дед реформатора был простым бочаром; отцу его, Жерару, удалось упорным трудом добиться более выдающегося общественного положения: он был епископским секретарем, фискальным прокурором и синдиком соборного капитула в городе Нойоне, в Пикардии. Здесь и родился будущий реформатор.

Детство Кальвина, надо полагать, было не радостное. Про мать свою он никогда не упоминает, вероятно, он лишился ее очень рано; что же касается отца, то и он не сумел внушить сыну особенно нежных чувств. Вечно занятый, сурового, деспотического характера, он уделял детям очень мало внимания, хотя и заботился об их будущности. Из всего детства Кальвина только один эпизод оставил в нем благодарную память – это его отношения к аристократическому семейству Моммор, покровительством которого пользовался его отец. Несмотря на почетную должность прокурора фиска, Жерар, у которого, кроме маленького Жана, было еще трое сыновей и две дочери, еле сводил концы с концами. Но у него были обширные связи среди местного дворянства, и он прекрасно умел ими пользоваться.

Робкий, необщительный мальчик рано стал обнаруживать редкие способности. В городской школе он шел первым. Семейство Моммор, одно из первых в этой местности, обратило внимание на талантливого мальчика, приблизило его к себе и позволило заниматься под руководством своего домашнего учителя. В этом доме, в обществе своих аристократических сверстников, Кальвин получил свое первоначальное образование; здесь он усвоил себе те несколько утонченные манеры, которые всегда отличали его от германского реформатора, те аристократические симпатии, которые отразились даже на самом характере его учения. Эти годы, проведенные в кругу Момморов, были для него единственным светлым воспоминанием детства.

Способности мальчика возбудили честолюбивые мечты в его отце. В то время человек с талантом мог скорее всего сделать карьеру на духовном поприще, и Жерар решает посвятить сына духовному званию. В 1521 году, пользуясь своими связями, он добывает для двенадцатилетнего мальчика пребенду, доходы с которой последний должен был получать в счет своей будущей службы, а в 1523 году, под предлогом появления в Нойоне чумы, отправляет его в Париж для довершения образования.

В Париже Кальвин, приехавший вместе с молодыми Момморами, расстается с ними и поселяется у своего дяди, Ришара, занимавшегося слесарным ремеслом. Но дружба молодых людей ввиду этой разлуки не прекращается. Они продолжают встречаться и после, в коллегии Ламарш, куда поступают для изучения грамматики, или по праздникам, в доме какого-нибудь вельможи, родственника фамилии Моммор. В коллегии в это время в числе преподавателей был Матюрин Кордье. Страстный любитель и знаток латинских писателей, поэт и приверженец новых реформационных идей, Кордье всей душой был предан своей преподавательской деятельности, для которой он отказался от гораздо более выгодного места. Он скоро заметил и стал отличать талантливого нойонского воспитанника, который, в свою очередь, горячо привязался к своему учителю. Это была одна из тех немногих привязанностей, которые Кальвин сохранил до конца своей жизни. Впоследствии, подвизаясь в Женеве уже в качестве реформатора, он приглашает Кордье в ректоры основанной им коллегии и не раз в своих произведениях с благодарностью вспоминает о том, как много он обязан этому благородному наставнику.

Из коллегии Ламарш благодаря своим успехам Кальвин скоро переводится в коллегию Монтегю, где под руководством профессора-испанца занимается изучением диалектики. По странному совпадению, в этой самой коллегии несколько лет спустя слушал лекции другой знаменитый деятель, которому в истории церкви пришлось играть роль диаметрально противоположную выпавшей на долю нойонского воспитанника. Это был испанец Игнатий Лойола.

Судя по тем немногим известиям, которые сохранились об этом периоде его жизни, Кальвин уже и тогда обнаруживал необыкновенно сосредоточенный характер. Он вел тихую, уединенную жизнь, был очень религиозен и работал с усердием и усидчивостью, приводившими в изумление учителей. В коллегии Монтегю он был первым, и даже досрочно переводился в высший класс. Товарищи его, однако, не любили. Его сдержанность, нелюдимость, строгий нетерпимый тон и в особенности нотации, которые он позволял себе читать им по поводу их увлечений, раздражали их, вызывали к нему неприязнь. Они мстили своему обличителю насмешками и за склонность к обвинениям дали ему ироническое прозвище “accusativus” (“винительный падеж”). Зато учителя не могли нахвалиться талантливым, необыкновенно прилежным учеником и рано стали возлагать на него большие надежды.

Так прошло несколько лет; Кальвин уже готовился перейти к занятиям теологией. Все: и сам склад его характера, и личные наклонности, и желание отца – казалось, предназначало его к духовному званию. Еще в 1527 году старик Жерар, не перестававший заботиться о карьере сына, выхлопотал ему новый приход Мартевилль, который Кальвин, спустя два года, променял на приход Pont l'Eveque, откуда была родом его семья. Здесь восемнадцатилетний юноша, вследствие частых жалоб капитула на его отсутствие, принужденный вернуться на родину, впервые выступает в роли проповедника – впрочем, только короткое время. При первой возможности он спешит снова в Париж, к своим любимым занятиям.

Неизвестно, какие именно причины вызвали с его стороны такое решение, но в это время старик Жерар, до сих пор мечтавший о духовной карьере для сына, советует ему бросить теологию и заняться юриспруденцией. Ожидал ли Жерар от последней более блестящей будущности для талантливого юноши, или в этом неожиданном решении играли роль его личные отношения к духовенству, которые в это время стали очень натянутыми (за какие-то злоупотребления он даже подвергся отлучению от церкви) – так или иначе, молодой Кальвин, воспитанный в строгом повиновении отцовской воле, беспрекословно оставляет свои любимые занятия и со свойственной ему добросовестностью принимается за изучение юридических наук. Из Парижа он отправляется в Орлеан, где работает под руководством известного юриста Петра Стеллы, а отсюда скоро переходит в Бурж, привлеченный славой знаменитого миланского юриста Альциати, который был приглашен Франциском I читать лекции в Буржском университете.

Альциати произвел на Кальвина сильное впечатление. Это был самый блестящий юрист того времени. Он знал римское право так же хорошо, как если бы сам жил в эпоху Юстиниана, и с обширными познаниями и поразительной логикой соединял поэтический энтузиазм, благодаря которому эта сухая наука становилась в его устах в высшей степени увлекательной. Иногда, пораженный какой-нибудь новой мыслью, он тут же, экспромтом, излагал ее стихами, вызывая восторг у своих слушателей. На Кальвина, хотя он и был нечувствителен к поэзии, это блестящее изложение производило не менее глубокое впечатление. Некоторое время он с жаром занимается новой наукой. С полуоткрытым ртом, весь внимание, весь слух, он слушает лекции любимого профессора и затем, вернувшись домой в свою маленькую студенческую комнату, спешит записать все слышанное. По словам биографа, он просиживал до глубокой ночи за занятиями и, чтобы поддерживать себя в бодрствующем состоянии, отказывался даже от ужина; проснувшись, он оставался еще некоторое время в постели, заучивая наизусть и продумывая все, что записал накануне.

Изучение римского права имело большое влияние на умственное развитие Кальвина. Оно приучило его к ясности и точности выражений, развило сильную логику, представляющую

самое выдающееся достоинство его позднейших произведений; оно же, несомненно, сослужило ему громадную службу в его организаторской деятельности в Женеве, выработало из него будущего законодателя.

Благодаря этому железному прилежанию Кальвин и здесь, как в Париже, делает быстрые успехи. Скоро молодой, серьезный не по годам пикардиец обращает на себя внимание как учителей, так и студентов. Даже биографы из католического лагеря отдают полную справедливость “его живому уму, обширной памяти, способности быстро усваивать все и особенно той поразительной ловкости, с которой он излагал на бумаге лекции и прения профессоров в изящной и подчас остроумной форме”. Уже в Орлеане он так выдвинулся из массы студентов, что на него смотрели скорее как на учителя, чем на ученика, и часто, в отсутствие лектора, ему случалось занимать его место.

Похвалы, сыпавшиеся со всех сторон и льстившие самолюбию молодого ученого, имели благотворное влияние на его характер. Есть основание думать, что в это время нелюдимый, недоверчивый нрав Кальвина значительно смягчился – он ближе сходится с товарищами, становится доверчивее и общительнее. С некоторыми из них, наиболее способными и трудолюбивыми, он даже вступает в близкие дружеские отношения, особенно с одним талантливым молодым юристом из Орлеана, Франсуа Даниэлем, к которому адресована большая часть его юношеских писем. Эта дружба с ровесниками вносит некоторый свет и оживление в одинокую жизнь, всецело посвященную неусыпным занятиям, от которых его только с трудом можно было оторвать. Даже в Нойоне, у смертного одра своего отца, в 1531 году, Кальвин только и думает что о покинутых занятиях и с нетерпением ждет минуты, когда их можно будет возобновить. Каким-то отталкивающим холодом, почти бесчувственностью веет от письма его к одному из друзей, в котором он сообщает о безнадежном состоянии отца. “Я обещал тебе при отъезде, – пишет он, – скоро вернуться назад; но болезнь отца задержала меня. Доктора сначала подавали надежду, но дни проходят – надежды больше нет, смерть неизбежна. Что бы ни случилось, мы свидимся опять. Кланяйся Даниелю, Филиппу и всему твоему кружку”... Вряд ли это письмо, единственное, где будущий реформатор говорит о своей семье, может свидетельствовать в пользу его сыновних чувств. Некоторые биографы-панегиристы объясняют эту сдержанность тем, что Кальвин в то время не мог уже сочувствовать своему отцу, умиравшему в заблуждениях католической церкви. Но, не говоря уже о том, что Кальвин тогда сам еще оставался католиком, такое объяснение холодности сына к умирающему отцу более чем натянуто.

Несмотря на увлечение лекциями Альциати, Кальвин скоро перестал удовлетворяться занятиями только юриспруденцией. Наряду с ней он снова принимается за гуманитарные науки и под руководством Мельхиора Вольмара, одного из немецких гуманистов, читавшего тогда лекции в Бурже, усердно занимается изучением греческого языка и классических древностей. Смерть отца развязывает ему руки, и он окончательно бросает юриспруденцию.

Мельхиор Вольмар сыграл очень важную роль в истории научного и религиозного развития Кальвина. Это был человек, страстно любивший греческих писателей и относившийся к своим ученикам с отеческой нежностью. Он держал себя с ними совершенно запросто, принимал к сердцу их интересы и даже, в случае нужды, уплачивал их долги. Кальвина он любил в особенности, возлагая на него большие надежды. Немецкий гуманист был приверженцем новых реформационных идей и эти идеи старался привить и своему ученику. Часто, сходя с кафедры, он брал Кальвина под руку и, прогуливаясь с ним по двору, продолжал беседу о греческих писателях, в которых был буквально влюблен. Но это пристрастие не ослепляло его. Вольмар понимал, что Кальвин не рожден для того, чтобы комментировать Аристофана или какого-нибудь другого грека, и что с его находчивым умом и поразительной логикой он был бы превосходным приобретением для реформационной партии. И вот однажды, во время своей вечерней прогулки, Вольмар заметил своему ученику: “Знаешь ли ты, что твой отец ошибся насчет твоего призвания? Ты не призван, подобно Альциати, преподавать римское право или,

как я, распространять знание греческой литературы. Посвяти себя теологии, ибо теология всем наукам наука”.

Для Кальвина, впрочем, в этом предложении не было ничего неожиданного. Мы не знаем, когда именно религиозные сомнения начали впервые закрадываться в его душу. Но несомненно, что новые идеи уже давно ему были знакомы. Несмотря на свою тихую, уединенную жизнь, он вряд ли мог оставаться совершенно безучастным к происходившему вокруг него религиозному брожению. Реформационные идеи быстро проникали во все слои общества. Уже во время пребывания Кальвина в Париже в духовном и университетском кругах происходило сильное брожение, вызванное проповедью виттенбергского монаха. Сорбонна осудила учение Лютера, но от этого популярность его только увеличилась. Меланхтон, имя которого было известно всей образованной Франции, осыпал сорбоннистов своими едкими насмешками. Его памфлеты тайком ходили по рукам учащейся молодежи; имя мужественного монаха, осмелившегося громко требовать свободы совести, было у всех на устах. Теология стала модной наукой. Ею занимались не только ученые или духовный люд, но даже светские женщины. Любимая сестра Франциска I, Маргарита Наваррская, сочиняла духовные стихи и сочувствовала новым веяниям. Вполне естественно поэтому, что и молодой восприимчивый нойонский воспитанник не мог оставаться глухим к оживленным толкам о новом учении, которому сочувствовал и его любимый учитель Кордье. В Орлеане и Бурже он также застал сильное религиозное движение. Здесь было много немецких студентов, живо интересовавшихся событиями на родине. Успехи Лютера составляли тогда злобу дня; число его приверженцев все возрастало. Уже в 1528 году Орлеан делается ареной религиозного гонения. Понятно, что все эти горячие споры не могли не заставить и Кальвина задумываться подчас о религиозных вопросах, несмотря на то, что он всецело был поглощен изучением юридических и гуманитарных наук. Слова Вольмара попали, таким образом, на почву, давно уже подготовленную. Под его влиянием Кальвин с жаром принимается за теологию, усердно изучает Библию, на которую опирались сторонники нового учения, знакомится с сочинениями тогдашних реформаторов и вполне усваивает себе основное учение Лютера – об оправдании верой. Мы застаем его даже проповедующим это новое учение в маленьком соседнем городке Линьер, в доме одного местного аристократа, которому он очень понравился смелостью и новизной своих взглядов. Около этого же времени Кальвин вступает в непосредственные сношения с некоторыми выдающимися деятелями реформации, например, с Бусером, которого посещает в Страсбурге, этом “новом Иерусалиме”, как называли его французские приверженцы реформы.

К этому времени относится также первое знакомство Кальвина с его будущим сподвижником и биографом Беза, которого он встречал в доме Вольмара. Это был молодой человек необыкновенно красивой наружности, с изящными манерами, с увлекающим красноречием, любимец женщин, муз и своего учителя Вольмара. В то время религиозные вопросы интересовали его очень мало. Его стихи, в которых он старался подражать Катулле, были безукоризненно изящны по форме, но часто отличались очень фривольным содержанием. Несмотря на совершенную противоположность натур, молодые люди сблизились между собой. Один уважал другого за строгость нравов, за ясный и глубокий ум; другой ценил в блестящем молодом человеке те качества, которых ему самому не доставало. Впоследствии эта дружба укрепилась еще более, и Беза, обратившийся к новому учению, становится верным помощником Кальвина в его реформаторской деятельности, его восторженным апологетом и защитником против ожесточенных нападок враждебной партии.

Было бы, однако, несправедливо видеть в Кальвине уже в это время человека с совершенно сложившимися религиозными убеждениями и вполне выяснившимся враждебным отношением к католицизму. Несмотря на возникавшие в нем сомнения, несмотря даже на проповеди, в которых он высказывал многие реформационные идеи, Кальвин вовсе и не помышлял о полном переходе на сторону реформации. Многие биографы считают его обращение

в этот период уже свершившимся фактом. Но мнение это ошибочно. Решение окончательно порвать с католицизмом появилось у него значительно позже. При своей любви к порядку и системе он не мог мириться с тем хаосом, который представлялся ему неизбежным следствием устранения церковного авторитета. Строгое единство римской церкви, ее стройная организация импонировали ему так же сильно, как и многим другим ученым гуманистам, которые, при всем сознании недостатков и злоупотреблений католической церкви, не решались все-таки выходить из ее лона. Подобно многим свободомыслящим людям тогдашней Франции, Кальвин стоял лишь на почве легальной оппозиции папству и стремился не к разрушению церкви, а только к ее очищению. В этом духе, по всей вероятности, и держались его тогдашние проповеди.

Но и эти идеи умеренной церковной оппозиции занимали его далеко не всецело. Мучительное тревожное состояние, в которое повергали его занятия теологией, побуждало его еще сильнее искать успокоения в гуманитарных науках. Покончив с юриспруденцией, после смерти отца, Кальвин решает посвятить себя науке. Он мечтает составить себе имя в ученом мире. Робкий, не любящий света, молодой ученый не чувствует в себе призвания к общественной деятельности. Его более привлекает слава Эразма или Рейхлина, чем блестящее, но тревожное поприще Лютера и Цвингли.

С такими-то намерениями, ничего общего не имеющими с жаждой пропаганды и прозелитизма, которую ему приписывает большинство биографов, Кальвин, окончив курс наук со степенью лиценциата, отправляется летом 1531 года вторично в Париж. Здесь он находит многих из своих прежних университетских приятелей, которые встречают его с радостью. Чтобы быть ближе к месту чтений ученого эллиниста Данеса, Кальвин поселяется в коллегии Фортэ и, не теряя времени, принимается за работу. Он усердно посещает лекции, роется в библиотеках и бывает только в обществе молодых ученых, из которых более всего сближается с молодым Копом, сыном знаменитого королевского лейб-медика. В немногих письмах к друзьям, относящихся к этому времени, довольно ясно обрисовывается его нравственная физиономия. Это молодой ученый, серьезный не по летам, строгий к себе и другим, но доступный для дружбы. Рядом с этими чертами в нем присутствуют любовь к порядку, аккуратность, доходящая до педантизма, и значительная доза раздражительности, даже мелочность. Он сердится, когда ему долго не возвращают взятой книги, и требует ее обратно, хотя бы не нуждался в ней. Точный и аккуратный сам, Кальвин требует того же и от других; он очень чувствителен к недостатку вежливости и сильно обижается, если кто-нибудь, даже самый интимный его друг Даниель, забывает отдать ему визит или не кланяется в письме. Но ни в одном из писем мы не находим указаний на то, чтоб Кальвин занимался в это время богословскими вопросами. Когда Даниель, сестра которого хотела поступить в монастырь, поручает ему переговорить об этом с настоятельницей, он исполняет это поручение с обычной добросовестностью, нисколько не думая протестовать против монашества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.